

М. В. Солоненко

«УЛИЦА» И «ЗАЛ»: СИМВОЛИЧЕСКИЕ РОЛИ В ДОСУГОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Каждое взрослое поколение смотрит на поведение детей с некоторой настороженностью, сопоставляя свой, зачастую идеализированный, опыт взросления с новыми тенденциями. Особую озабоченность у родителей вызывает проблема попадания детей в уличные компании, которая оказывается связанной негативными ассоциациями с опасностями современности, как их видят старшие: наркоманией, отсутствием идеалов, бездуховностью и т.д. Мир взрослых традиционно пытается ограничить и контролировать влияние улицы, прежде всего с помощью воспитания идеалов, обратной стороной которого часто является навязывание стереотипов — кому следует подражать, как нужно себя вести. Именно по этой причине в воспитательном дискурсе появляются антитезы вроде «улица vs дом», «плохая компания vs дети из хорошей семьи» и пр. Специфика ситуации в Дагестане заключается в том, что в воспитательном дискурсе родителей здесь появляется антитеза «улица vs спортивный зал». В этой заметке мы попытаемся определить те символические роли, которые отводятся «улице» и «залу» в этом дискурсе и в реальности современного дагестанского социума.

Улица — основное пространство повседневной жизненной активности для подростка. Когда мы говорим о влиянии на подростка уличной среды, то подразумеваем значимую для него компанию сверстников, которая идентифицируется как «свои», как правило, эта группа организована по территориальному признаку. Сравнение молодежных уличных компаний в разных районах Дагестана, в крупных селах (т.е. в таких, население которых составляет более 2 тыс. жителей) и городах показывает, что они весьма схожи между собой. Это позволяет нам сосредоточиться на рассмотрении одного случая, выводы этого анализа будут, ви-

димо, правомерны и для других населенных пунктов Дагестана, однако это задача дальнейшего исследования. Для настоящей статьи мы выбрали ситуацию в поселке Мамедкала Дербентского района.

Материалом для анализа послужили собственные полевые материалы, которые были собраны в ходе экспедиций в 2004–2010 гг. Основными методами являлись наблюдение и полуструктурированные интервью как с подростками, так и с родителями, взрослыми людьми, которые в подростковом возрасте входили в уличные компании.

Рассмотрим характерные черты уличных компаний в дагестанской среде. Чаще всего эти сообщества являются локоцентрическими, т.е. организуются по территориальному принципу — их участники имеют общее место проживания, вместе учатся (школа, институт и т.п.), тренируются в одной спортивной секции (в отличие, например, от идеоцентрических сообществ, формирующихся вокруг тех или иных символов — музыкальных стилей, форм деятельности и т.д.) [1, с. 56]. Здесь мы не берем в расчет такой тип подростковых компаний, как религиозные кружки при мечетях и мектебах, а также компании мальчиков-шиитов, участвующих в мистериях Ашуры в Дербенте. Особо отмечу, что в Дагестане уличные компании строго мужские («пацанские»), девушки большую часть времени проводят дома, а не на улице, для них это чужое пространство.

Самоназвания группировок чаще соответствуют названиям районов или обозначениям характерных объектов городского ландшафта (т.е. это названия, образованные от топонимов). Например, для Мамедкалы, которая возникла в результате слияния поселка Кала, совхоза им. Ш. Алиева, лесхоза, поселков Дузлак и Михайловка, типичные названия уличных группировок следующие: Калининские, Пятачок, Лесхозовские, Дузлаковские, Михайловские.

Костяк уличных компаний — молодые люди в возрасте 14–19 лет, нижняя возрастная граница может быть и иной: в Дагестане дети проводят много времени на улице и входят в компании старших товарищей постепенно. Чаще всего возраст основного состава каждой компании имеет разницу в два–три года. Для

1980–1990-х гг. верхняя граница часто определялась возрастом, в котором юношу призывали в армию. Отслужившие молодые люди в компании подростков уже не входили. С 2000-х гг. особенно в городской среде, когда молодые люди старались уклониться от службы в армии, а при этом трудовая занятость молодежи оставалась низкой, возраст участников уличных компаний изменился, и туда могли входить юноши призывного возраста — до 20–23 лет.

Структуру уличных компаний в Дагестане, как правило, можно описать как иерархическую, имеющую ядро — несколько человек, составляющих основную часть компании. В ее центре находится самый авторитетный член компании, с которым связаны его друзья, составляющие ближний круг, — 5–7 человек; к этой группе примыкают друзья друзей, случайные, временные, периферийные члены группы. Процессы группообразования, распада, соединения групп, их структурирование, взаимодействия происходят спонтанно, т.е. система носит неформальный характер.

Объединяет молодых людей прежде всего общее времяпрепровождение, досуг.

М. С.: Ну вот собираетесь вы и куда идете?

Инф.: Ну если событие какое случается, все туда срываются. Вот в Дербенте, «вахов» в девятиэтажке обстреливали, так все туда дунули смотреть <...> А так в основном кружим по району, по сути бесцельно. На «перекресток» (место, где находится много мини-магазинов, торговых палаток. — М. С.) можно сходить семечек пощелкать, там кого-нибудь встретить, вероятно, саламба-лам, пообщаться. Можно на стадион зайти, там «мелкие» мяч гоняют, можно чуть поиграть. Когда появляются деньги, к «Шлагбауму» идем (неформальное название кафе у железнодорожного переезда. — М. С.), сидим, чай гоняем, иногда пиво...

М. С.: Пиво в кафе? А взрослые не осуждают?

Инф.: Там такое место, что солидные взрослые не заходят. Если денег больше и у кого-нибудь тачка под задом — выезжаем к «Башне» (ресторан на трассе Махачкала–Дербент. — М. С.), там сауна есть, по-взрослому отдыхаем. <...> У «бобров» (детей богатых родителей. — М. С.) места тусовок покруче <...> Да они по улицам уже и не бродят, все при местах, при должностях...

М. С.: Какие темы для разговоров?

Инф.: Мы тачки обсуждаем, кто какую возьмет, когда на деньги поднимется <...> Школяры мобильники обсуждают и прочую ерунду <...> Есть тусовки, у которых одна травка на уме, вот и носятся весь день, где бы на вечер достать... (Из интервью с Казиахмедом, 19 лет [2]).

Для подростков улица является неформальным институтом социализации, отчасти находящимся вне поля зрения родителей. В этом институте они приобретают опыт не столько подчинения, сколько сопротивления традиционному социальному порядку. Улица является местом, где происходит взросление, вырабатываются навыки поведения, лидерства, конструируется образ взрослого и т.д.

В противовес влиянию улицы обычно выступает спортивный зал, и эта ситуация специфична для Дагестана, где детей (именно юношей) отдают не в кружки по интересам и в музыкальные школы, а в спортивные секции. Спортсмены относятся к группе «правильных», причем как со стороны взрослых, так и по оценке «неспортивных» уличных компаний. В основе этих взглядов лежат традиционные положительные коннотации, связанные с силой, мужественностью и спортом. Считается, что лучше всего правильному воспитанию «мужчинских» качеств способствуют занятия борьбой. По мнению моих информантов, в ходе занятий борьбой закаляется воля, формируется сила мужчины, вырабатывается мужской характер, поэтому на вопрос: «Почему вы хотите, чтобы ваши дети занимались борьбой?», они чаще всего отвечали: «Чтобы человеком стал, мужчиной...» По убеждению родителей, возмужание происходит именно через тренировки, они закаляют характер, препятствуют дурному влиянию улицы — ведь усердному спортсмену некогда заниматься ерундой. Поэтому родители в основном поощряют тренировки детей, интересуясь успехами в спорте зачастую больше, чем оценками в школе.

В Дагестане почти во всех селах с населением более тысячи человек действуют секции борьбы или единоборств. Здесь почти нет мужчин, которые не прошли бы хотя бы начальную подготовку в такой секции. Борцовский ковер опробовал почти каждый. С 12–14 лет в течение года или двух на борьбу ходит почти вся

мальчишечья часть села. Однако со временем количество мальчиков, которые продолжают заниматься борьбой, сокращается. Отсеиваются случайные и слабые, кто-то уходит в связи с обстоятельствами, остаются сильнейшие, нацеленные на спортивные результаты. Эта система накладывает определенный отпечаток на жизнь индивидов, которые в процессе общения, тренировок, соревнований интегрируются в спортивные половозрастные сообщества. Эти сообщества, в свою очередь, так же как и уличные компании, структурируют общественное пространство мужского субколлектива.

Проживая на одной территории, являясь учениками одной школы и постоянно взаимодействуя, члены уличных и борцовских компаний не составляют параллельных структур. Они представляют лишь два разных полюса в традиционных представлениях дагестанцев о правильном досуге и маскулинности. Настоящий мужчина в Дагестане в том числе определяется и тем, «куда он ходит» (то, что С. Ушакин определил как «показательная мужественность» [3, с. 23]). Занятия вольной борьбой являются знаковым действием, которое интерпретируется окружающими как поведение, присущее настоящему мужчине. Кроме того, статус настоящего мужчины необходимо постоянно поддерживать и подтверждать — посредством тренировок, участия в соревнованиях разного уровня, а иногда и просто уличных стычек, широко распространенных в подростковой среде. Случается, что уличные и «борцухи» мобилизуются и встают единым фронтом в спорах между своим и чужим джамаатом (сельским обществом). Показательный пример — массовая драка между молодежью сел Герга (даргинцы) и Утамыш (кумыки): в ходе турнира по вольной борьбе в результате недовольства решением судьи произошла ссора, которая переросла в драку. С обеих сторон в конфликт включились и уличные компании, и спортивные сообщества. Разрешать конфликт пришлось с привлечением ОМОНа и старейшин сел.

В этой истории улица и зал поменялись ролями. Подобная стычка между уличными компаниями вряд ли привела бы к конфликту джамаатов. Однако проявление неконтролируемого насилия на территории спортсменов вызвало бурную реакцию и при-

вело к поддержке джамаатами своих спортивных сообществ, которые традиционно окружены ореолом «правильности».

Библиография

1. Головин В. В., Лурье М. Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. № 1.

2. Полевые материалы автора, собранные в п. Мамедкала Дербентского района Дагестана в 2010 г.

3. Ушакин С. А. Человек рода он: знаки отсутствия // О мужественности / Сост. С. А. Ушакин. М., 2002.

Е. Ю. Гуляева

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ АРМЯН ПЕТЕРБУРГА (По материалам интервью о кулинарных практиках и публицистике)

В данной статье анализируется дискурс об армянской кухне в рассказах армян Петербурга¹ и русскоязычной публицистике [1; 2; 3]. Внимание уделено доминирующим концептам². Сообщение основано на положении, что культура, в том числе кулинарная,

¹ Основным материалом для анализа послужили тематические («кулинарные») интервью (около 20) и наблюдения, сделанные в Санкт-Петербурге в 2007–2010 гг. Большинство информантов являются мигрантами (главным образом из Армении, двое — из Баку, по одному — из Тбилиси и Сухуми), приехавшими в Петербург в конце 1980-х — середине 1990-х. Такой состав информантов во многом определил характер материала.

² Наиболее очевидные примеры выстраивания идентичности путем противопоставления «своей» и «чужой» кухни были описаны.